

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.5>**РОМАН ДИН ЛИН «СОЛНЦЕ НАД РЕКОЙ САНГАНЬ» (1948) КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ КИТАЙСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

Научная статья

Сидоренко А.Ю.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-6232-1692;¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (theironman1[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье приведен анализ нарративной и ценностно-семиотической системы романа Дин Лин «Солнце над рекой Сангань». Рассмотрены механизмы постулирования ценностных установок, а также традиционные мотивы. Также дана характеристика романа как одного из примеров реализации гранднарратива китайского соцреализма. Результаты анализа демонстрируют важнейшую роль дескриптивной составляющей и соответствующих элементов структуры персониферы как основных механизмов постулирования ценностных установок социалистического реализма. Выявлено, что все эти элементы работают в комплексе, давая основу реализации повествовательной стратегии соцреализма. Также рассматриваются ограничения и затруднения, которые вызывает крайняя политизация, характерная для китайской литературы первых десятилетий КНР.

Ключевые слова: китайская литература, социалистический реализм, ценностные установки, Дин Лин, антияпонская война.

DING LING'S NOVEL "THE SUN IS SHINING ON THE SANGAN RIVER" (1948) AS A WORK OF CHINESE SOCIALIST REALISM

Research article

Sidorenko A.Y.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-6232-1692;¹ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (theironman1[at]yandex.ru)

Abstract

The article analyses the narrative and value-semiotic system of Ding Ling's novel "The Sun is Shining on the Sangan River". The mechanisms of postulating value attitudes as well as traditional motives are examined. The novel is also characterized as one of the examples of the implementation of the grandnarrative of Chinese socialist realism. The results of the analysis demonstrate the crucial role of the descriptive component and the relevant elements of the personosphere structure as the main mechanisms for postulating the value attitudes of socialist realism. It is found that all these elements work together to provide the basis for the implementation of socialist realism's narrative strategy. The limitations and difficulties posed by the extreme politicization characteristic of Chinese literature in the early decades of the PRC are also examined.

Keywords: Chinese literature, socialist realism, values, Ding Ling, anti-Japanese war.

Введение

Роман Дин Лин 丁玲 «Солнце над рекой Сангань» 太阳照在桑干河上 (1948) – один из самых известных романов о земельной реформе, переведен на русский, английский, немецкий, японский и другие языки. Этот роман основан на личном опыте писательницы, который она получила в ходе работы по проведению земельной реформы в китайской деревне в 1946-1947 гг., куда она была направлена после того, как подверглась критике в рамках «движения за упорядочение стиля» 整风运动 (1942-1944) [14, С. 26]. Позже Дин Лин вновь подвергали критике в рамках борьбы против «правых элементов» (см. подробнее [4], [10]). При работе над романом Дин Лин целенаправленно изучала роман М. А. Шолохова «Поднятая целина» (1932) [8, С. 157].

Основа фабулы романа – борьба деревенских активистов за перераспределение помещичьей земли и передел собственности при деятельном участии рабочей группы. Фабула романа охватывает всего две недели. События развиваются линейно – сначала дается «расстановка сил», описываются положительные и отрицательные персонажи. У земельной реформы и других социалистических преобразований есть сторонники и противники, соответственно отношение героев к преобразованиям отражает их деление на положительных и отрицательных.

После того как дана общая диспозиция сил в деревне, прибывает рабочая группа, которая поначалу сталкивается с трудностями, так как крестьяне боятся помещиков, но коммунисты преодолевают эту ситуацию, и в итоге земельная реформа в деревне успешно завершается. Крестьяне под руководством партийцев отбирают у помещиков землю и имущество и перераспределяют их между собой.

Основные результаты

Прежде всего отметим, что все положительные герои – либо крестьяне, либо коммунисты. Представителей крестьянства среди отрицательных героев романа нет, что соответствует указаниям, данным в яньаньских тезисах Мао Цзэдуна, что обличать крестьянские массы нельзя. Целью постулирования ценностных установок, как нам

представляется, служит заставить читателя идентифицироваться с положительными персонажами и положительно относиться к переделу собственности и смене власти.

Наиболее полно с точки зрения ценностной прагматики в романе раскрыт образ Чжан Юйминя, первого коммуниста-подпольщика в деревне. Уже по его имени Юйминь 裕民, которое переводится как «обеспечивать благосостояние народа», либо «наставлять народ на путь истинный» становится понятно, что перед нами – положительный герой.

После капитуляции Японии он вышел из подполья и стал руководителем деревенской партийной ячейки. «В восемь лет Чжан Юйминь остался круглым сиротой... Целыми днями он работал в поле вместе с дядей... Точно теленок, который вырастает крепким, питаясь одной травой, Чжан Юйминь к семнадцати годам был здоровым, сильным парнем... Закаленный знойным солнцем и ледяными ветрами, он был очень вынослив...» [6, С. 49-50]. Чжан Юйминь не курит опиума, в отличие от старосты деревни, отрицательного героя. Он ведет свое хозяйство, поддерживает младшего брата, помогает крестьянам, вникает во все их проблемы и тяготы, бедняки доверяют ему. С такими положительными характеристиками сочетается принадлежность Чжан Юйминя к КПК. Ценностная установка здесь, на наш взгляд, в том, что положительные качества и партийная принадлежность в глазах гипотетического читателя наделяются причинно-следственной связью.

В главе 12 Чжан Юйминь говорит следующее: «Вопрос о том, с кем вести борьбу, нам не решить только на основании личной вражды или благодарности к кому-либо. Главное – чего хотят крестьянские массы. А их не поднять на тех, к кому у них нет ненависти. А тому, кого массы ненавидят, никакая защита не поможет» [6, С. 74-75]. Неслучайно, что такая четкая директива звучит из уст основного положительного героя, так как этот роман служил своего рода «учебным пособием» при проведении земельной реформы и входил в список обязательной литературы для кадровых работников [13, С. 185].

Итак, мы видим, что Чжан Юйминь является носителем «общечеловеческих» ценностей – он добр, самоотвержен, стремится помогать людям. Такие качества его характера мы рассматриваем как не уникальные – ведь теоретически добрым и отзывчивым может быть и помещик или, скажем, гоминьдановский офицер. Таким образом, в образе Чжан Юйминя прослеживается умозрительный механизм сочетания общих ценностей (доброта, самопожертвование, честность, прямота, и пр.) и специфических политических убеждений и диктуемых ими задач (в целом – коммунистические взгляды, и в частности в рассматриваемом здесь романе – проведение земельной реформы).

Схожим образом положительные характеристики сосредоточены в образах членов рабочей группы, крестьян, активистов.

В главе 13 Ян Лян, бедняк, член рабочей группы по проведению земельной реформы, ведя подготовительную работу, встречается с Дун Гуйхуа, руководительницей женского союза. В сцене общения Ян Ляна и Дун Гуйхуа мы в очередной раз видим, как через такие общепринятые добродетели как радушие и гостеприимство Дин Лин выводит образы открытых и простодушных крестьян и бескорыстных и коммунистов-праведников, чьи корни едины, а значит едины и помыслы [6, С. 81-82].

Как уже отмечалось ранее, порой Дин Лин прибегает к прямому внедрению коммунистической риторики в текст романа. Например, гл. 8 – «Все слухи, однако, сходились на одном: коммунисты снова пришли на помощь беднякам, коммунисты создают для них новую жизнь, богачам придется плохо» [6, С. 39].

Еще один пример – Лю Мань, доведенный до отчаяния злодеем Цянь Вэньгуем крестьянин, говорит Ян Ляну: «Ты говоришь верно... все крестьяне в поднебесной – одна семья, если нам не объединиться, то у нас не будет силы, мы не сможем подняться [и свергнуть гнет помещиков], Старый Лян, ты наш руководитель, и мы тебе доверяем» [6, С. 249].

Здесь прослеживается параллель, например, с репликами Ниловны из романа А. М. Горького «Мать»: «...Но вижу – хорошие вы люди, да! И обрекли себя на жизнь трудную за народ, на тяжелую жизнь за правду. Правду вашу я тоже поняла: покуда будут богатые – ничего не добьется народ, ни правды, ни радости, ничего!...» [1, С. 270].

Похожая риторика встречается и в других фрагментах, например, когда крестьяне, отобрав у помещика документы на землю, в форме монологов прямо излагают ценностные установки романа – раньше им жилось тяжело, виной этому – помещики, чье средство угнетения – арендная плата. Теперь же они поняли, что они сами хозяева земли, на которой работали, их опора – компартия и Восьмая армия [6, С. 293-295].

Следует сказать также о ценностной модальности «святости». Эта модальность реализуется через образ Чжан Пиня, главы уездного отдела агитации и пропаганды. Он ловок, силен, храбр, рассудителен. Война с японцами во главе партизанского отряда сделала из него опытного солдата, и он, несмотря на относительно юный возраст (около 25 лет), – грозный противник для классовых врагов. Крестьяне очень уважают его, всегда рады ему и считают его «родственной душой» и своим защитником. Чжан Пинь всегда знает, чего хотят массы, разрешает все споры, и при этом всегда следит за тем, чтобы земельная реформа в подотчетном ему районе проводилась строго в соответствии с инструкцией. Можно сказать, что его появление в романе и взаимодействие с другими персонажами романа приобретает форму таинства, что наделяет Чжан Пиня и партийное руководство, которое он олицетворяет, ореолом святости [6, С. 318-324].

На крестьянском собрании, где присутствовал и Чжан Пинь, было решено арестовать главного злодея Цянь Вэньгуя, то есть, демонстрируется большой прогресс в классовой борьбе. Здесь следует обратить внимание на то, что это решение было принято не кем-то единолично, а в какой-то момент просто в какой-то момент все единодушно сначала не дали приспешнику Цянь Вэньгуя Чжан Чжэндяню покинуть помещение до окончания собрания, а затем – дружно выкрикнули «Арестовать Цянь Вэньгуя!» [6, С. 353]. С точки зрения постулирования ценностных установок это для нас важный момент. Принятие важного решения, разрешающего главный конфликт романа и обеспечение его выполнения – не дать Чжан Чжэндяню предупредить Цянь Вэньгуя, чтобы тот сбежал, представляется как коллективное решение прогрессивного класса, «благословленное» Чжан Пинем, олицетворяющим партийное

руководство. Получается, читатель должен увидеть здесь то, что самые важные решения идут не от отдельных персонажей, а являются коллективными, но направляются Партией.

Приведенная выше репрезентативная выборка, на наш взгляд, наглядно демонстрирует основной механизм постулирования ценностных установок социалистического реализма через персонифицированную сферу, который состоит в наделении положительными качествами носителей коммунистической идеологии либо представителей крестьянства.

Семиозис ценностей, и, соответственно, постулирование ценностных установок, невозможно без антиценностей, для семиозиса которых служат образы отрицательных героев.

Помещики в романе Дин Лин – все злодеи, охарактеризованные умозрительно, различающиеся только степенью выраженности отрицательных характеристик. Например, некий помещик из соседней деревни избивал тех, кто без его ведома ступал на его землю, насиловал женщин, торговал опиумом, прятал оружие и боеприпасы, – словом, делал те вещи, которые в целом неприемлемы в обществе [6, С. 56-57].

Еще один помещик, Ли Цыцзюнь, – трус, нерешительный человек, азартный игрок и курильщик опиума, то есть наделен универсальными негативными характеристиками.

Следует подробнее остановиться на главном отрицательном герое, помещике Цянь Вэньгуе. Его отрицательная характеристика начинается еще до того, как он появляется в романе.

Уже в начале первой главы романа описывается, как два года назад сын Гу Юна, соседа Цянь Вэньгуя нечаянно подрубил иву Цянь Вэньгуя, углубляя канал, после чего эта ива упала и обломилась грушу Гу Юна, честного зажиточного крестьянина. Цянь Вэньгуй не разрешил трогать иву и не стал сам ее убирать, а Гу Юн боялся пожаловаться на него, в результате чего груша медленно погибала, и вся деревня сокрушаясь наблюдала, как пропадает хорошее плодородное дерево [6, С. 3-4]. Уже здесь мы видим сочетание увядания, гибели, как универсального отрицательного ориентира с образом Цянь Вэньгуя. О Цянь Вэньгуе плохо отзываются даже родственники, например, Цянь Вэньху, человек честный [6, С. 68].

Здесь также интересно отметить то, что Цянь Вэньгуй жил на доходы от сдаваемой в аренду земли, имел контакты с японцами, знал всех окрестных волостных начальников, и хотя он не занимал важных постов, все его боялись и считали очень злым и подлым человеком [6, С. 8-10]. Суть *мотивов* «подлости» Цянь Вэньгуя в романе не раскрывается, – как в эпизоде с грушей, описанном выше, так и касательно других его злодеяний. Проще говоря – он злой просто в силу того, что он – помещик.

В доме Цянь Вэньгуя – предметы «старой культуры» и японские занавески: «в центральной зале... ..приносили жертвы предкам и богу богатства: на красном лакированном шкафу стояли начищенные до блеска медные сосуды; из соседней комнаты доносилось шуршанье бумажного веера» [6, С. 32]. Известно, что в концепции революционной телеологии «старое», как олицетворяющее прежний, несправедливый уклад жизни, воспринимается отрицательно, а новое – положительно [7, С. 23].

У Цянь Вэньгуя, как и у крестьян, тоже есть собственная точка зрения на происходящее в деревне. Представлена она схематично, и, как нам кажется, менее убедительно: «И, повторяя слова свекра (Цянь Вэньгуя – А. С.), она (старшая дочь Гу Юна – А. С.) заключила: – Конечно, все это неплохо. Коммунисты-то, конечно, хорошие. Но польза от них – только беднякам. Тем, у кого хоть что-нибудь есть за душой, – от них одна беда. Правда, бойцы Восьмой армии не бьют и не обижают людей, если что возьмут на время, то возвращают обратно или возмещают убытки. Последние полгода нам живется лучше, чем при японцах. Однако, бедняков учат бороться за новую жизнь. А новую, лучшую жизнь можно заработать только собственным трудом, богатство собирают по грошам. Как можно разбогатеть за счет чужого добра?» [6, С. 20].

Такая тактика обычно применяется для обоснования статуса «своего» и «чужого». Образ «своего» раскрывается более подробно, а образ «чужого» дается более обобщенно, как то, что неизвестно и о чем подробно знать не следует [2, С. 13].

Цянь Вэньгуй – не самый богатый помещик, у него не очень много земли, он не является деревенским старостой, его сын служит в Восьмой армии. И тем не менее, он – главный злодей в романе и объект классового противостояния. Причина этому – в том, что цель земельной реформы – не только (и не столько) борьба за землю и передел собственности, сколько борьба за слом прежнего уклада жизни, в котором такие люди как Цянь Вэньгуй играли роль «посредника» между сельским сообществом и внешним миром [9, С. 155-156]. Получается, что на месте таких людей, как Цянь Вэньгуй, теперь должны были быть поставлены партийные работники. Именно поэтому главный злодей Цянь Вэньгуй, на наш взгляд, прямо противопоставляется «небожителю» Чжан Пиню.

Из вышеуказанных примеров видно, что с образом Цянь Вэньгуя сочетаются исключительно характеристики, которые в более широком контексте воспринимаются как отрицательные, то есть сам образ помещика из нейтральной словесной характеристики становится знаком, функционирование которого сопряжено с актами предпочтения и пренебрежения, то есть с системой ценностей.

Также рассказывается о сюэе Ма Да, который отправил в уезд донос на коммунистов, обвиняя их в бесчинствах и беззаконии. После этого, зная о том, что донос ложный, сюэя перестали уважать в деревне [6, С. 18]. Отрицательное описание сюэя – еще один пример экспликации аксиологически ориентированной временной дихотомии, о которой говорилось выше. Дин Лин сообщает читателю – пришла новая власть, и теперь незачем внимать прежним авторитетам.

Более красноречиво о негативном отношении коммунистов к «старой культуре», а конкретнее, к традиционным народным верованиям, говорится в главе 14, где рассказывается о деревенской шаманке. Член рабочей группы Ян Лян, увидев толпу перепуганных крестьян, которые выбежали из ворот дом шаманки, зашел посмотреть, что там происходит. Внутри дома он почувствовал неприятный запах, увидел одетую в белое, худую точно призрак повешенного, женщину. Кроме того, если бедная крестьянка Дун Гуйхуа в другом эпизоде встретила Ян Ляна

радушно, то у шаманки, чей дом был гнездом азартных игр и курения опиума, ему не были рады, и только сказали «Вы к кому?», после чего он поспешно ушел [6, С. 87-88].

Как и в случае с семиозисом ценностей, мы считаем, что семиозис антиценностей осуществляется посредством умозрительного сопряжения словесных образов «реакционных» классов, более широко применимыми отрицательными характеристиками. Соответственно, носителями положительных первичных ценностей являются только представители прогрессивных с марксистской точки зрения классов, а носителями отрицательных ценностей – представители реакционных классов.

Ценностные установки задаются не только дескриптивно, через персонифицированную сферу, но и через нарратив, основой которого в романе «Солнце над рекой Сангань» является борьба за смену власти.

Достаточно подробная структурная модель повествования в романе социалистического реализма построена в широко известной работе К. Кларк [11, С. 159-188, 255-261]. К. Кларк утверждает, что все романы советского социалистического реализма так или иначе имеют в своей основе «путь к осознанности» [11, С. 255].

Как и в советских романах сталинской эпохи, в романе Дин Лин мы сталкиваемся с «художественным осмыслением исторических событий, основанным на марксистско-ленинской концепции истории» [11, С. 159]. В начале романа бригада прибывает в деревню и дается общая диспозиция. Затем, они пробуют поднять массы на борьбу, однако у них ничего не выходит, крестьяне не смогли забрать документы у жены помещика Ли Цзыцзюня, то есть «прозревающий» метагерой столкнулся с первым препятствием на пути к осознанности. Концепт «прозревающего» или «воскресающего» метагероя также рассмотрен в работе Н. В. Шалагинова [5].

Принимая во внимание замечания К. Кларк [11, С. 160-161], следует сказать о том, что эта сцена является необходимой с точки зрения структуры романа социалистического реализма. Если бы крестьяне сразу пришли и смогли справиться с помещицей, то тогда в романе недостаточно была бы раскрыта руководящая роль партии в лице членов бригады.

После поражения крестьяне идут собирать и обобществлять плоды в саду помещика, и здесь мы видим первую победу бригады. Даже самые робкие крестьяне, которые проходили мимо сада, тоже включались в работу, становились веселее и помогали собирать фрукты, то есть, если раньше они считали фрукты из помещичьего сада чужой собственностью, то теперь они стали на путь освобождения от гнета помещиков. При обобществлении помещичьих фруктовых садов крестьяне шутят, смеются, все в приподнятом настроении метагероя [6, С. 280]. Главная победа – не над помещиком, который, кстати, к тому моменту сбежал, а над «рабским», «отсталым» сознанием крестьян, то есть здесь читателю демонстрируется рост сознания коллективного.

Еще один интересный эпизод – ночь после первого крестьянского собрания, которое прошло не очень удачно. Для усиления отрицательного восприятия этого эпизода Дин Лин описывает как деревенские жители общаются на фоне стонов матери, чей ребенок умирает [6, С. 118-120]. Умиравший ребенок и надежды матери на его выздоровление сопоставляются со страхами крестьян перед помещиками и их надеждами на справедливый передел собственности. Такую метафору можно назвать ярким примером постулирования ценностных установок.

После ареста Цянь Вэньгуя вся деревня вдруг оживилась, все весело смеялись, громко обсуждали это известие – налицо положительная характеристика этого события [6, С. 362-363].

На собрании крестьяне один за другим не стесняясь рассказывают, как Цянь Вэньгуй портил им жизнь. Интересно, что на колени Цянь Вэньгую приказывает встать «какой-то парень из толпы», а крестьяне затем подхватывают этот возглас. Далее кто-то (то есть снова не какой-то конкретный персонаж романа, а обезличенный представитель крестьянских масс) додумался надеть ему на голову колпак [6, С. 393-394]. Реплики крестьян на митинге также достаточно насыщены социалистической риторикой, нам отчетливо видно, что крестьяне говорят не каждый от собственного имени, и не столько в адрес Цянь Вэньгуя как конкретного человека, а от лица класса крестьян в адрес класса эксплуататоров [6, С. 394-395]. В общем, мы сталкиваемся с установкой на деперсонализацию, то есть примат коллективного над индивидуальным.

На уровне фабулы мы видим схожий прием – окончание земельной реформы, как и финал романа, совпадает с праздником середины осени. Роман заканчивается всеобщим торжеством – на театральной площадке развешаны лозунги «Каждому пахарю – свое поле!», «Долой феодализм!», «Борись за земельную реформу!» и т. д. Крестьяне одеты в новую одежду, на столах – праздничные яства, на улицах – треск хлопушек [6, С. 447-449]. Часть праздника состояла в проведении собрания крестьянского союза, на котором крестьянам раздают документы на землю, а старые – признают утратившими силу. Перед этим все собравшиеся поклонились портрету Мао Цзэдуна.

Традиционные мотивы в литературе семнадцати лет – обширная и многоаспектная тема, достойная отдельного исследования, поэтому на подробное ее рассмотрение в рамках настоящего исследования мы не претендуем. Приведем несколько примеров.

В сцене обобществления помещичьих фруктов, помимо эпитетов с положительной семантикой – «веселый», «радостный», «бодрый», и др., Дин Лин прибегает в этой сцене к метафорам, отсылающим к традиционным китайским представлениям: телеги с конфискованными у помещика фруктами, проезжающие по дороге «веселее, чем шествие с фонарем в форме дракона в первый лунный месяц, еще более воодушевляет и восхищает, чем встреча паланкина с невестой у дома жениха» [6, С. 278].

Продолжая разговор о традиционных мотивах, интересно отметить, что в деревне, где происходит действие романа, именно восемь семей помещиков, которых все ненавидят, но при этом боятся и заискивают перед ними. Как нам кажется, эти восемь помещиков – своего рода «Восемь Бессмертных» 八仙 из даосского пантеона. С одной стороны, помещики схожи с Бессмертными в своем могуществе, а с другой, отсылка к традиционной мифологии с учетом того, что позже помещики потерпели поражение, как мы считаем, призвана продемонстрировать победу крестьян над «феодальным укладом» жизни и переход от старого общества к новому.

В главе 24 ценностные установки постулируются через традиционные представления о добром царе бедняков, который старается для крестьян, этот царь – Мао Цзэдун, коммунисты – с ним заодно, значит они – «хорошие люди» [6, С. 161]. А. Н. Желуховцев отмечает, что уравнительный передел собственности и построение утопического царства всеобщего равенства и благоденствия – типичные сугубо традиционные представления китайского крестьянства [3, С. 167].

Традиционные представления снова задействуются для постулирования ценностных установок соцреализма в главе 27, в которой рассказывается о руководителе рабочей группы по проведению земельной реформы, Лао Дуне. Это сильный, широкоплечий мужчина, опытный партизан, который служит на благо бедняков, который, несмотря на уговоры брата завести семью, говорит, что пока он живет на этом свете он – коммунист, а после смерти он и в загробном мире станет духом-коммунистом, чтобы и там служить беднякам [6, С. 174]. Здесь мы вновь видим, во-первых, что общие представления о силе, храбрости и самоотверженности воплощаются в носителе коммунистической идеологии, а во-вторых, что политические ценности в иерархии Лао Дуна, как и других ключевых положительных героев ставятся выше семьи и частной жизни.

Заключение

С точки зрения фабульной специфики этот роман написан схематично, а характеристика персонажей дается умозрительно. Эти особенности романа дают подходящий материал для того, чтобы попытаться проследить механизмы постулирования ценностных установок. В целом, радости и лишения крестьян раскрываются достаточно подробно, а такое явление, как «проблемы помещиков» в романе отсутствует. Мотивы эксплуататоров – корысть, либо ничем не мотивированная злость и подлость. Такая диспропорция в подробности характеристики, как мы уже отмечали – сущность дескриптивной конфигурации, применяемой для построения оппозиции «свой» – «чужой».

Принимая во внимание вышесказанное, следует также вспомнить и замечания, которые приводит в своем обзоре романа известный китайско-американский литературовед Ся Чжицин. Исследователь пишет, что Дин Лин, описывая ненависть крестьян к помещикам, оставляет за рамками чувства страха и несправедливости происходящего, которые испытывали те, против кого боролись во время земельной реформы, по-видимому, ввиду ограничений, накладываемых на литераторов тогдашним партийным руководством [12, С. 487-488].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Горький М. Мать / М. Горький // Собрание сочинений в 30 т. — Т. 7. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. — С. 193-516.
2. Детинко Ю.И. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа / Ю.И. Детинко, Л.В. Куликова. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т. — 2017. — 168 с.
3. Желуховцев А.Н. Современная литература / А.Н. Желуховцев // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. // гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — Т.3. Литература. Язык и письменность. — М.: Вост. лит., 2008. — С. 167-175.
4. Маркова С.Д. От «ста цветов» к «культурной революции» (1956-1965) / С.Д. Маркова // Судьбы культуры КНР (1949-1974) // отв. ред. В. А. Кривцов. — М.: Наука, 1978. — С. 73-133.
5. Шалагинов Н.В. Русская литература социалистического реализма и проблема её генезиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Шалагинов. — Нижний Новгород, 2006. — 28 с.
6. 丁玲. 太阳照在桑干河上. — 北京: 新华书店, 1950. — 458 页.
7. 黄子平. “灰阑”中的叙述. — 上海: 上海文艺出版社, 2001
8. 陈建华. 二十世纪中俄文学关系. — 北京: 高等教育出版社, 2004. — 356 页.
9. 袁红涛. “一部关于中国变化的小说”——重评《太阳照在桑干河上》 // 中国现代文学研究丛刊. — 2008. — № 2. — 第 154-164 页.
10. 严家炎. 《太阳照在桑干河上》与丁玲的创作个性 // 北京大学学报 (哲学社会科学版). — 2008. -№ 2. — 第 85-88 页.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gor'kij M. Mat' [Mother] / M. Gor'kij // Sbranie sochinenij v 30 t. [The Collection of Works in 30 vols]. — V. 7. — M.: State Publishing House of Fiction, 1950. — P. 193-516 [in Russian].
2. Detinko YU.I. Politicheskaya kommunikaciya: opyt mul'timodal'nogo i kriticheskogo diskurs-analiza [Political Communication: the Experience of Multimodal and Critical Discourse Analysis] / YU.I. Detinko, L.V. Kulikova. — Krasnoyarsk: Sib. Feder. Un-ty. — 2017. — 168 p. [in Russian]

3. ZHelohovcev A.N. Sovremennaya literature [Modern literature] / A.N. ZHelohovcev // Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. [The Spiritual Culture of China: an encyclopedia: in 5 volumes] // chief ed. M. L. Titarenko; Institute of the Far East. — V. 3. Literatura. YAzyk i pis'mennost' [Literature. Language and Writing]. — M.: Orient. Lit., 2008. — P. 167-175 [in Russian].

4. Markova S.D. Ot «sta cvetov» k «kul'turnoj revolyucii» (1956-1965) [From the "Hundred Flowers" to the "Cultural Revolution" (1956-1965)] / S.D. Markova // Sud'by kul'tury KNR (1949-1974) [The Fate of Chinese Culture (1949-1974)] // responsible ed. V. A. Krivcov. — M.: Nauka, 1978. — P. 73-133 [in Russian].

5. SHalaginov N.V. Russkaya literatura socialisticheskogo realizma i problema eyo genezisa [Russian Literature of Socialist Realism and the Problem of Its Genesis: abstract. ... Candidate of Philology] / N.V. SHalaginov. — Nizhnij Novgorod, 2006. — 28 p. [in Russian]

6. Ding Ling. tàiyáng zhào zài sānggānhé shàng [The Sun is Shining on the Sangan River] / Ding Ling. — Beijing: Xinhua Bookstore, 1950. — 458 p. [in Chinese]

7. Huang Ziping. huīlán"zhōng de xùshù [The Narrative in "Gray Appendix"] / Huang Ziping. — Shanghai: Shanghai Literature and Art Publishing House, 2001 [in Chinese]

8. Chen Jianhua. èrshíshìjì zhōng é wénxué guānxì [Sino-Russian Literary Relations in the Twentieth Century] / Chen Jianhua. — Beijing: Higher Education Press, 2004. — 356 p. [in Chinese]

9. Yuan Hongtao. "yī bù guānyú zhōngguó biànhuà de xiǎoshuō"—zhòngpíng "tàiyáng zhào zài sānggānhé shàng" ["A Novel about the Changes in China" – A re-evaluation of "The Sun Shines on the Shanggan River"] / Yuan Hongtao // Chinese Modern Literature Research Series. — 2008. — № 2. — P. 154-164 [in Chinese].

10. Yan Jiayan. "tàiyáng zhào zài sānggānhé shàng" yǔ dīnglíng de chuàngzuò gèxìng ["The Sun Shines on the Shanggan River" and Ding Ling's Creative Personality] / Yan Jiayan // Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences Edition). — 2008. — № 2. — P. 85-88 [in Chinese].